

В.А. Бурнаков

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: venariy@ngs.ru

Кошка в верованиях и обрядности хакасов (конец XIX – середина XX века)

Работа выполнена на основе анализа фольклорно-этнографических источников. Автор вводит в научный оборот ранее неизвестные архивные этнографические материалы. Хронологические рамки исследования охватывают конец XIX – середину XX в. Используются историко-этнографические методы семантического анализа и реликта. Обнаружена значимая роль образа кошки в обрядности во время заселения нового дома и первого положения ребенка в колыбель. Выявлены этические нормы взаимодействия людей с кошкой, в т.ч. касающиеся соответствующих правил для беременных женщин. Определены место и роль обозначенного животного в шаманских практиках. Анализ характерных черт биологического поведения этого зверька позволил выявить механизм символизации его образа в религиозно-мифологическом сознании хакасов. Автор приходит к следующим выводам: 1) в культуре рассматриваемого народа большое значение придавалось кошке и ее образу; 2) это животное попало к хакасам от русских; 3) вместе с кошкой из народного христианства в хакасскую среду проникли апокрифические повествования о ней; 4) на формирование характерных черт мифологического образа этого домашнего питомца повлияла сама ее биологическая природа, поведение и образ жизни; 5) в религиозно-мифологических представлениях хакасов образ кошки неразрывно связан с потусторонним миром. Глубокая убежденность в этом способствовала тому, что в сознании народа это домашнее животное наделялось амбивалентными характеристиками, в связи с чем в устном народном творчестве хакасов обнаруживаются как положительные, так и отрицательные оценки его образа.

Ключевые слова: хакасы, традиционные верования, шаманизм, обряд, образ, символ, кошка.

Venariy A. Burnakov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: venariy@ngs.ru

Cats in the Khakas Beliefs and Rituals (Late 19th – Mid 20th Century)

This study covers the late 19th – mid 20th century, analyzing a wide range of folklore and ethnographic sources, and presenting previously unpublished archival ethnographic evidence on the subject. Historical and ethnographic methods of semantic analysis and relict method were used. An important role of the cat in the rituals associated with moving into a new house and first placement of the child into the cradle has been established. Ethical norms of interaction between people and cats, including the norms related to pregnant women, as well as place and role of cats in shamanistic practices have been identified. The analysis of typical features of cats' biological behavior has made it possible to uncover the mechanism of symbolization of cat's image in religious and mythological consciousness of the Khakas people. The author comes to the conclusion that: 1) in the culture of the Khakas people, cat and its image played an important role; 2) cats came to the Khakas people from the Russians; 3) apocryphal narrations about cats entered the Khakas environment together with the image of cats from popular Christianity; 4) biological nature, behavior, and lifestyle of cats influenced the emergence of typical features of the mythological image of the cat, and 5) image of the cat was inextricably linked with the other world in religious and mythological beliefs of the Khakas people thus contributing to ambivalent features of this animal in the minds of the people and both positive and negative assessments of cat's image in their oral folklore.

Keywords: Khakas people, traditional beliefs, shamanism, ritual, image, symbol, cat.

В мировоззрении хакасов важное место занимают представления о домашних животных. Со многими из них были связаны различные поверья и приметы. Некоторые были включены в ритуальную сферу, а их образы запечатлены в фольклоре. В круг домашних питомцев у хакасов входила и кошка. Она появилась в их быту сравнительно поздно, в результате этнокультурного взаимодействия с русским народом.

Из истории известно, что активное заселение славянским населением Южной Сибири началось с XVII в. и продолжилось вплоть до XX столетия. Оно было связано с присоединением этой территории к России и ее дальнейшим освоением [Очерки..., 2008, с. 247–467]. В результате глобальных социокультурных изменений хакасы окончательно перешли к оседлому образу жизни. Это способствовало определенным изменениям в системе жизнеобеспечения народа. В обозначенный период осуществляется христианизация хакасов. Вероятно, именно с этого времени у хакасов появляется кошка. Добавим и то, что само хакасское название этого животного в различных его вариантах: *хоосха*, *кыска*, *кўска*, несомненно, происходит от русского слова «кошка». А такое ее наименование, как *пырыс*, восходит к распространенному окрику «брысь» [Хакасско-русский словарь, 2006, с. 413].

В культуре хакасов воззрения о кошке складывались под влиянием устоявшихся религиозно-мифологических воззрений русского народа об этом зверьке, в т.ч. народного православия. В частности, большое влияние на формирование образа кошки в сознании как русского, так и хакасского народов оказали апокрифические повествования. Помимо этого, представления хакасов об этом животном вырабатывались и в процессе собственных эмпирических наблюдений за ним и через призму собственной культуры. В результате чего в их мировоззрении указанное животное наделялось сложной и неоднозначной характеристикой. В ее образе выявляются как положительные, так и отрицательные черты. Начнем с положительных.

В устном народном творчестве хакасов кошка часто встречается в паре с другими представителями животного мира – с собакой или мышью. Причем в указанных обстоятельствах она, как правило, воспринимается в исключительно положительной коннотации. Кошка считается животным, благословенным высшей силой, что четко выделяет ее среди остальных фольклорных персонажей. Так, в мифе о происхождении человека кошка, в отличие от собаки, проявила себя с наилучшей стороны. Она сказала более достойной и надежной защитницей человека от нечистой силы. Согласно повествованию: «Айна [черт] не смог навредить челове-

ку, потому что в доме находился кот. Он был хитрее собаки, не поддался ни на какие уловки айна и прогнал его из дома. С тех пор человек с удовольствием гладит кошку, а собаку гладить не любит, считая, что у нее чертова шкура» [Бурнаков, 2006, с. 137]. В другом варианте этого мифа владыка подземного мира Эрлик хан все же сумел приблизиться к человеку и осквернил его – оплевал. Кошка, обнаружив это злодеяние, попыталась очистить хозяина и стала слизывать нечистоты. С тех пор, как констатируется в фольклоре, среди хакасов принято считать, что у нее рот грязный, а шерсть чистая, поэтому ее можно гладить [Бутанаев, 2003, с. 111]. Поэтому в мифологическом сознании народа комфортная жизнь кошки, в сравнении с собачьей, объяснялась ее наибольшими заслугами как перед человеком, так и перед высшей силой. В народном творчестве повествуется о том, что это обстоятельство якобы спровоцировало зависть у собаки и в дальнейшем привело к конфликту между ними. Они навечно стали непримиримыми врагами. Столь глубокое противостояние этих животных нашло отражение в известной поговорке, характеризующей ситуацию постоянно конфликтующих сторон: *Адайның хоосха осхастар* – «[Они живут], как кошка с собакой» [Хакасско-русский словарь, 2006, с. 847].

Следует заметить, что рассмотренные мифологические сюжеты о противопоставлении кошки и собаки известны многим народам, в т.ч. и русским. Они, возможно, своими корнями восходят к соответствующим псевдобиблейским легендам народного православия [Афанасьев, 1859, с. 48–53].

Наряду с этим в фольклоре встречается и другой вариант объяснения причины «оскверненности» кошачьей пасти и «чистоты» ее шерсти. Он также имеет отношение к мифологическому сюжету, повествующему о борьбе кошки с нечистой силой. При этом само толкование данного представления излагается уже в другом контексте. Своеобразная интерпретация этой темы обнаруживается в апокрифическом варианте мифа о всемирном потопе, вероятно, заимствованного от русских из народного православия [Голубкова, 2009, с. 189–190]. Отметим, что в указанном произведении кошка выступает в оппозиции уже не к собаке, а к мышши. Согласно мифу, в период глобального наводнения дьявол перевоплотился в мышшь и стал грызть корабль, чтобы потопить праведника с его женой и всеми земными животными. Кошка же в силу своей проницательности не позволила осуществить задуманное злодеяние. Она вовремя поймала и съела грызуна. В финале повествования констатируется, что «Бог после этого заповедал кошке иметь веселую (приятную) жизнь. Поэтому говорят: “Рот кошки – поганый, а шерсть чистая!”» [Катанов, 1907, с. 274–276].

В представлениях хакасов кошка наделена мощной апотропеической силой. Ей приписывалась способность отвращать от дома и его обитателей всевозможные несчастья и беды. До сих пор среди хакасов бытует обычай, воспринятый из русской культуры: при заселении в новый дом первой впускать в него кошку. Согласно выводам А.К. Байбурина, в обряде перехода в новый дом кошке приписывались защитная и очистительная функции. Изначально это пространство воспринималось как необжитое и таящее в себе различные опасности. По мнению исследователя, в этом ритуале обнаруживаются и мифологические корни, прежде всего, мифологический прецедент заселения мира живыми существами в установленной последовательности: сначала животные, а потом люди [1983, с. 104–105].

Соответствующие семантические аналогии выявляются у хакасов и в обряде положения ребенка в колыбель. В нем также акцентированы защитные функции кошки. Хакасы были убеждены, что своей сакральной силой она могла нейтрализовать потенциальную угрозу для младенца в новом для него пространстве. Ритуал состоял в следующем. Прежде чем поместить новорожденного в люльку, ее благословляли и окуривали дымом ча-

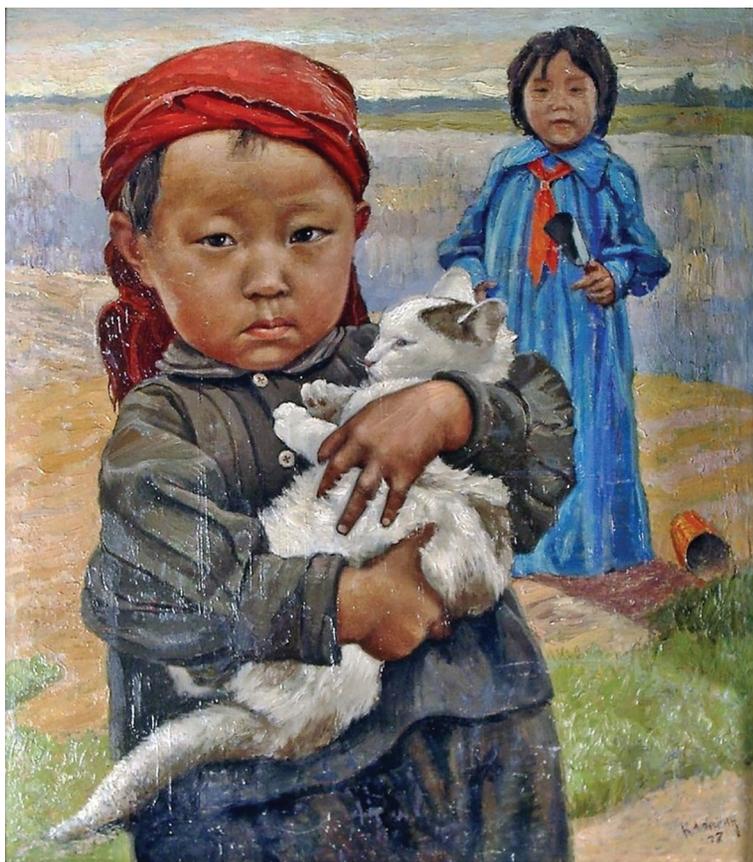
бреца или можжевельника. Затем клали в нее щенка или кошку. И только по завершении всех этих обрядовых действий помещали туда самого младенца. Так, со слов хакасских стариков: «кладут ребенка в зыбку только на новый месяц. Сначала кладут кошку, а уже потом ребенка» (АМАЭС ТГУ. № 681-1. Л. 7).

Глубокая вера в мистические возможности кошки способствовала формированию в народе корректного к ней отношения. Вследствие отсутствия агрессивности по отношению к человеку она стала одним из любимых объектов для детских игр (см. рисунок). Ее, как и других домашних животных, запрещалось держать впроголодь, а тем более за ненадобностью выбрасывать на улицу. Отметим, что у хакасов живодерство во всех своих проявлениях имело общественное порицание и строго осуждалось. Полагали, что кошка наряду с другими представителями фауны обладает *чула* – душой (АМАЭС ТГУ. № 818-1. Л. 16). В.Я. Бутанаев, рассматривая данный вопрос, делает следующее уточнение: жизненную субстанцию загубленных животных, как и невинно убиенных детей, хакасы обозначали специальным термином – «*аан*» [2003, с. 88]. Верили, что после мучительной гибели животного его душа обязательно проклянет

своих обидчиков и жестоко им отомстит. Пожилые хакасы по этому поводу сообщали: «У нас, у хакасов, такое поверье. Кошку лучше убить, чем выбросить ее где-нибудь. Если убьешь – один грех, а если брошенная кошка будет жить и мучиться, то [ее] хозяину выпадут те же мученья в жизни» (АМАЭС ТГУ. № 677-13. Л. 15).

Строгое соблюдение этой нормы предписывалось женщинам, находящимся в состоянии беременности. Им категорически запрещалось причинять какой-либо вред или проявлять неуважение к кошке, как, собственно, и к каждому домашнему животному. Полагали, что любые неблагоприятные действия в отношении этого зверька неизбежно повлекут за собой болезнь или физические изъяны у будущего ребенка. Кроме того, имелись и иные предписания. По сведениям В.Я. Бутанаева: «Беременной запрещалось есть одной. Если она вынуждена садиться за стол одна, то обязана была вместе с собой покормить собаку или кошку» [2011, с. 93].

Общеизвестной является вера людей в исцеляющую силу кошки. Счи-

Картина В.В. Калинина (1911–1942) «Хакасские девочки» (1937).

тается, что она хорошо чувствует болезни человека и может их излечить. Не стали исключением и хакасы. Подобные воззрения возникли в результате длительного наблюдения за ней и получили осмысление сквозь призму собственных ментальных установок. Основанием для веры в целительные возможности кошки послужила ее распространенное биологическое поведение. Оно проявляется в том, что порой этот зверек в течение длительного времени мягко и осторожно топчется на определенных местах человеческого тела. При этом кошка слегка массирует его коготками и монотонно мурчит. Полагали, что таким образом животное лечит – *хамнапча* (шаманит) и вбирает в себя болезнь человека. В мифологическом сознании хакасов данное поведение в какой-то мере сближает ее образ с шаманом. Помимо этого, кошка до сих пор воспринимается в качестве одного из самых распространенных домашних предсказателей изменений погоды. Как известно, гадательные функции в хакасском обществе также входили в прерогативу шаманов. Отметим, что убеждение в прогностических способностях кошки является универсальным и широко известно всем тем, кто держит в своем доме этого зверька, а в представлениях хакасов эта реалья воспринималась в рамках их этнической специфики. В мировосприятии этого народа многие животные и птицы наделялись шаманскими чертами. Все они характеризовались как существа, тонко чувствующие окружающий их природный мир. К числу таких животных относили и кошку. Полагали, что если она спит на спине, раскинув лапки по сторонам, то это предвещает теплую и ясную погоду. Если животное сворачивается клубком и укрывает нос хвостом или лапами, то это указывает на приближающиеся холода. Образ этого домашнего питомца, характеризующий его как теплолюбивого животного, нашел отражение в следующей загадке: «Если мороз, то на улицу не выходит; выходит тогда, когда настанет тепло (кошка)» [Катанов, 1907, с. 287].

В представлениях хакасов, как уже отмечалось, кошка имеет тесную связь с потусторонним миром. В традиционном сознании она являлась существом, находящимся в состоянии постоянного контакта с нижней сферой мироздания. Подобные воззрения, очевидно, основывались на факте того, что кошка часто осуществляет свою биологическую деятельность в соответствующем пространстве – в подполье, подвале, расщелинах, возле нор грызунов и т.д. Хорошо известна ее поведенческая особенность в процессе охоты либо большой опасности всегда прижиматься низко к земле, тем самым кошка как бы хочет слиться с землей. Соответствующие ассоциации, например, нашли отра-

жение в загадке: «Если ляжет, то ниже кошки; если станет, то выше лошади (дуга)» [Там же, с. 370]. Своеобразная близость к земле в мифологическом мышлении способствовала наделению ее хтоническими признаками. Тенденция к отождествлению образа кошки с «низом» находит свое выражение в метафорической конструкции, связанной с анатомией человеческого тела. Этот зверек устойчиво соотносится с нижней частью – ногами и пр. Так, в одной из хакасских загадок представлена следующая символизация этого образа: «Внутри большого дома – маленький дом, внутри маленького дома – котенок (обувь, портянки, нога)» [Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 334].

Итак, в традиционном сознании хакасов кошка считалась существом, постоянно мистически переходящим из мира людей в мир потусторонний. Верили, что она обладает умением в мгновение ока исчезать из виду и появляться в неожиданных местах из ниоткуда. Реликты воззрения о ней как о животном, находящемся в процессе ритуального, кругового движения, очевидно, представлены в таких загадках, как: «Вокруг юрты побежала белая кошка (белая веревка, окружающая юрту)», «Вокруг меня бежит черная кошка (кайма шубы)» [Катанов, 1907, с. 243, 370].

Из зоологии известно, что наибольшую активность, в частности связанную с добыванием пищи, указанное животное проявляет ночью [Брем, 2010]. Полагали, что именно в темное время суток кошка чаще совершает мистическое путешествие между мирами людей и духов. В религиозно-мифологическом сознании данная реалья способствовала несколько настороженному и даже опасливому отношению к ней. В этой связи И.Ю. Винокурова совершенно точно замечает, что «одна из причин такой негативной позиции кроется в биологических особенностях кошки, прежде всего, – в ее ночном, скрытном времяпрепровождении» [2006, с. 341]. Великолепная способность этого зверька видеть в темноте, острое зрение и блеск глаз придавали его образу ореол таинственности. Более того, зрительный аппарат кошки нередко становится ее основным маркирующим признаком. Подобные ассоциации обнаруживаются в следующих загадках: «Имеет глаза величиной с луну (кошка)» [Катанов, 1907, с. 286]; «В ближнем месте – бриллиант, в дальнем месте янтарь (глаза кошки и волка)» [Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 323]. Про остроглазого человека, хорошо ориентирующегося в темноте, хакасы говорят *хоосха харахтыг* – букв. «с кошачьим глазом» [Хакасско-русский словарь, 2006, с. 847].

Представление о кошке как о вечном страннике между мирами привело к тому, что некоторы-

ми хакасскими шаманами она была взята в оборот. При этом указанное животное нередко использовалось ими в качестве *töc'a* – духа-помощника. В этой связи уместным является привести воспоминания окружного минусинского начальника Н.А. Кострова о камлании хакасского шамана. Исследователь дал краткое описание и самой сцены призывания шаманских духов. Среди них был и кошачий *töc*: «Дверь зимника отворилась снова и послышался визг кошки. Это явился другой айна [дух] – айна-кошка. Последовала такая же сцена, как с собакой; старик великолепно мяукал по-кошачьи и скоро сошелся с духом» [Костров, 1884, с. 244]. Мифологический мотив превращения кошки в человека и наоборот, по мнению В.Н. Топорова, свидетельствует о «неуловимости границ между кошачьим и человеческим» [1988, с. 11]. Данная мысль в полной мере приложима и к сфере шаманизма.

В религиозно-мифологических воззрениях хакасов кошка нередко выступает еще и в качестве воплощения вредоносного духа. В одной из шаманских молитв, направленных на изгнание подобных существ, приводятся такие слова: «*Орты хараада пырчын пырысха чүленмеңер, пырыс полып чөрбеңер!*» – «В полночь не обряжайтесь в голубых кошек, подобно кошке не мяукайте!» [Бутанаев, 2003, с. 210]. Представление о кошке как о нечистой силе нашло отражение в приметах сна у хакасов: «Увидеть кошку, значить придет дьявол» [Катанов, 1907, с. 463]; «Кошка во сне – к плохому» [Бурнаков, 2006, с. 178]. Убежденность в том, что магическая сила кошки при определенных обстоятельствах могла оказать негативное влияние на людей, встречалась среди телеутов. Так, «после камлания огню белой овцой в течение года не выпускали кошку в дом» [Дыренкова, 1927, с. 69]. В прошлом алтайские бурханисты, относясь к кошке как чужеродному элементу, вообще проявляли радикализм. Так, А.В. Анохин в статье «Бурханизм в Западном Алтае» сообщает о соответствующем их призыве: «Убейте всех кошек и никогда впредь не пускайте их в свои юрты» [1927, с. 164].

Независимый и своенравный характер кошки, ее некоторая отчужденность, вероятно, способствовали тому, что и в самом мире духов отношение к ней было неоднозначным. Согласно верованиям хакасов, духи-хозяева местности не испытывали особых симпатий к этому животному. Об этом, например, может свидетельствовать следующая быличка: «Везде, в каждом месте есть хозяин. Вот мне бабушка Мухина (русская) рассказывала. Шла [она] из деревни пешком в Костино (кажется, из Черемшино) и несла домой котеночка. Шла по лесу, по горе Кара таг. Присела на двор сходить [спра-

вить нужду], а котенка рядом поставила. А котенок взял, да и прыгнул на березу. Забрался на самую верхушку. Бабушка зовет его, зовет, а он не спускается. Залезть самой на эту березу тоже невозможно, потому что она гладкая и прямая. Пошла она домой без котенка. Уже недалеко было до Костино. Вдруг рядом с ней молодой парень оказался. Высокий черноволосый, черноглазый. Спрашивает меня: “Что, Михайловна, домой идешь?”. Я говорю: “Да, иду”. Идем с ним разговариваем. А я его до этого нигде не видела. Потом чувствую, что мне трудно идти. Как будто что-то в сапог попало. Я села. Сапог сняла. Щепку оттуда достала. Оглядываюсь, а парня уже не видно, только голос [его] уже издали слышно. Он смеется и говорит: “Хорошо, Михайловна, что ты сапог снять догадалась, а то я поводил бы тебя по лесу, будешь [знать, как] кошек оставлять, где попало. Мы кошек не любим”. С тех пор бабка не может по лесу ходить. В любом лесу заблудится. Голова у нее кругом идет» (Анастасия Митрофановна Чарочкина, д. Костино) (АМАЭС ТГУ. № 677-13. Л. 14).

В культуре хакасов мясо кошки, как и некоторых других животных, никогда не употреблялось в пищу. Оно считалось вредоносным и само по себе воспринималось как большая скверна. Подтверждение тому находим в наблюдениях некоторых исследователей XIX в. Согласно их сведениям, у хакасов «несъедобным считается мясо: собаки, кошки, волка, рыси, лисицы, суслика, мыши и крысы; по отзыву инородцев все это “погань”; если собака, кошка, мышь или крыса попадут случайно в посуду с каким-нибудь кушаньем, то все выбрасывается вон» [Кузнецова, Кулаков, 1898, с. 192].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что появление кошки в культуре хакасов явилось следствием их межэтнического и социокультурного взаимодействия с русским народом, осуществлявшимся в период с XVII до XX столетия. Вместе с указанным домашним животным из народного православия к хакасам пришли устоявшиеся апокрифические легенды и иные повествования о нем. Наряду с этим на формирование представлений хакасов об этом домашнем питомце большое влияние оказали и собственные наблюдения за ним и его биологическим поведением. При этом его восприятие осуществлялось в рамках их традиционного мировоззрения. Кошка была включена в обрядность хакасов, связанную с жилищем и детским циклом. Отдельные ее элементы были заимствованы из русской культуры и адаптированы к хакасской традиции. В религиозно-мифологическом сознании народа этот зверек воспринимался в качестве существа, имеющего непосредственную связь с инобытием. Данное обстоятельство спо-

собствовало тому, что хакасы наделяли его как положительными, так и отрицательными характеристиками. В традиционном сознании народа образ кошки обладал многими чертами шамана, в т.ч. магической, целительской и прогностической силой. Более того, некоторыми шаманами это животное использовалось в качестве *möc'a* – духа-помощника и применялось в ритуальной практике. Все это может свидетельствовать о том, что кошка, будучи изначально чужеродным элементом, постепенно интегрировалась в культуру хакасов и стала ее составной частью.

Список литературы

Анохин А.В. Бурханизм в Западном Алтае // Сибирские огни. – 1927. – № 5. – С. 162–167.

Афанасьев А.Н. Народные русские легенды, собранные А.Н. Афанасьевым. – Лондон: [Б. и.], 1859. – 205 с.

Байбури А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л.: Наука, 1983. – 190 с.

Брем А. Жизнь животных. – М.: Эксмо, 2010. – 960 с.

Бурнаков В.А. Духи среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 197 с.

Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2003. – 260 с.

Бутанаев В.Я. Особенности культуры и быта тюрков Саяно-Алтая. – Астана: Кантана Пресс, 2011. – 440 с.

Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Мир хонгорского фольклора. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2008. – 376 с.

Винокурова И.Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции). – Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 2006. – 448 с.

Голубкова О.В. Душа и природа: Этнокультурные традиции славян и финно-угров. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 304 с.

Дыренкова Н.П. Культ огня у алтайцев и телеут // Сб. МАЭ РАН. – Л., 1927. – Т. VI. – С. 63–78.

Катанов Н.Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов // Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым. – СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1907. – Т. 9. – 640 с.

Костров Н.А. Очерки быта минусинских татар // Тр. четвертого археол. съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 г. – Казань: Тип. Импер. ун-та, 1884. – Т. 1. – С. 208–248.

Кузнецова А.А., Кулаков П.Е. Минусинские и ачинские инородцы. – Красноярск: Тип. Енис. губ. упр., 1898. – 298 с.

Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности). – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2008. – 672 с.

Топоров В.Н. Кот, кошка // Мифы народов мира. – М.: Сов. энцикл., 1988. – Т. II. – С. 11.

Хакасско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2006. – 1114 с.

References

Afanas'ev A.N. Narodnye russkie legendy, sobrannye A.N. Afanas'evym. London, 1859, 205 p. (in Russ.).

Anokhin A.V. Burkhanizm v Zapadnom Altae. *Sibirskie ogni*, 1927, vol. 5, pp. 162–167 (in Russ.).

Baiburin A.K. Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan. Leningrad: Nauka Publ., 1983, 190 p. (in Russ.).

Brem A. Zhizn' zhivotnykh. Moscow: Exmo Publ., 2010, 960 p. (in Russ.).

Burnakov V.A. Dukhi Srednego mira v traditsionnom mirovozzrenii khakasov. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2006, 197 p. (in Russ.).

Butanaev V.Ya. Burkhanizm Tyurkov Sayano-Altaya. Abakan: Khakass State Univ. Press, 2003, 260 p. (in Russ.).

Butanaev V.Ya. Osobennosti kul'tury i byta tyurkov Sayano-Altaya. Astana: Kantana Press Publ., 2011, 440 p. (in Russ.).

Butanaev V.Ya., Butanaeva I.I. Mir khongorskogo (khakasskogo) fol'klora. Abakan: Khakass State Univ. Press, 2008, 376 p. (in Russ., in Khakass).

Dyrenkova N.P. Kul't ognya u altaitsev i teleutov. Sbornik Muzeya antropologii i etnografii. Leningrad, 1927, vol. 6, pp. 63–78 (in Russ.).

Golubkova O.V. Dusha i priroda: Etnokul'turnye traditsii slavyan i finno-ugrov. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009, 304 p. (in Russ.).

Katanov N.F. Narechiya uryankhaitsev (soiotov), abakanskikh tatar i karagasov. In *Obraztsy narodnoi literatury tyrkskikh plemen, izdannye V.V. Radlovym*. St. Petersburg: Imper. Acad. of Sciences Publ., vol. 9, 1907, 640 p. (in Russ.).

Khakassko-russkii slovar'. Novosibirsk: Nauka Publ., 2006, 1114 p. (in Khakass, in Russ.).

Kostrov N.A. Ocherki byta minusinskikh tatar. *Trudy chetvertogo arkheologicheskogo s'ezda v Rossii, byvshego v Kazani s 31 iyulya po 18 avgusta 1877 goda*. Kazan: Imper. Univ. Publ., 1884, vol. 1, pp. 208–248 (in Russ.).

Kuznetsova A.A., Kulakov P.E. Minusinskie i achinskie inorodtsy. Krasnoyarsk: Yenisei Province Control Publ., 1898, 298 p. (in Russ.).

Toporov V.N. Kot, koshka. Mify narodov mira. Moscow: Soviet encyclopedia Publ., 1988, vol. 2, p. 11 (in Russ.).

Vinokurova I.Yu. Zhivotnye v traditsionnom mirovozzrenii vepsov (opyt rekonstruktsii). Petrozavodsk: Petrozavodsk State Univ. Press, 2006, 448 p. (in Russ.).

Бурнаков В.А. <https://orcid.org/0000-0001-9636-3081>